

УДК 821.111-31(540)

ББК 84(5Инд)-44

P65

Arundhati Roy
THE MINISTRY OF UTMOST HAPPINESS

Серия «От лауреата Букеровской премии»

Перевод с английского *Александра Анваера*

Издание публикуется с разрешения
Susanna Lea Associates и Synopsis Literary Agency

Дизайнер *Яна Паламарчук*

Рой, Арундати.

P65 Министерство наивысшего счастья: роман / Арундати Рой; [пер. с англ. А. Анваера]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 512 с. — (От лауреата Букеровской премии).

ISBN 978-5-17-983169-3

Первый за двадцать лет роман Арундати Рой приглашает нас в далекое путешествие — из тесных кварталов Старого Дели и сияющего нового мегаполиса к снежным вершинам и долинам Кашмира и лесам Центральной Индии, в края, где война — это мир, а мир — это война.

«Министерство наивысшего счастья» — это история мучительной любви и решительного протеста. Рассказ ведется то шепотом, то во весь голос, то сквозь слезы, а порой и со смехом. Герои его — сломленные миром люди, которые были спасены и излечены любовью и надеждой. И потому они столь же тверды, сколь и хрупки, и никогда не сдаются.

УДК 821.111-31(540)

ББК 84(5Инд)-44

ISBN 978-5-17-983169-3

© Arundhati Roy, 2017

© Анваер А., перевод, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2019

ПОСВЯЩАЕТСЯ БЕЗУТЕШНЫМ

Я имею в виду, все зависит от твоего сердца...

НАЗЫМ ХИКМЕТ

В тот волшебный час, когда солнце уже зашло, но свет еще не померк, с огромного баньяна, растущего на старом кладбище, срываются мириады крыланов с острыми лисьями мордочками и черным дымом проносятся над городом. Когда крыланы скрываются из вида, в листве обосновываются на ночлег вороны. Гвалт вернувшихся домой ворон не в состоянии до краев заполнить безмолвие, вызванное отсутствием пропавших невесть куда воробьев, а еще белобоких грифов, бывших попечителями мертвых тел последние сто миллионов лет. Эти были уничтожены. Грифы вымерли, отравленные диклофенаком. Диклофенак, коровий аспирин, которым кормят коров для снятия боли, мышечного напряжения и увеличения надоев, действует — действовал — на грифов как нервно-паралитический газ. Каждая молочная корова или буйволица с расслабленными диклофенаком мышцами становилась после смерти отравленной приманкой для белобоких грифов. По мере того как коровы превращались в машины по производству молока, по мере того как город поглощал все больше мороженого, ирисок, вафельек с ореховой пастой и молочного шоколада, по мере того как он выпивал все больше мангового молочного коктейля, шеи грифов клонились книзу, не в силах удерживать на весу головы. Казалось, птицы очень устали и невольно засыпают. Из клювов стекали серебристые струйки слюны, а потом птицы, одна за другой, замертво падали с ветвей вниз.

Немногие заметили исчезновение дружелюбных старых птиц. У людей так много других забот.

1. ГДЕ УМИРАЮТ СТАРЫЕ ПТИЦЫ?

Она жила на кладбище, как дерево. На рассвете она прощалась с воронами и радушно приветствовала вернувшихся крыланов. На закате приветствовала первых и провожала вторых. В промежутках беседовала с тенями грифов, таящимися в ее высоких ветвях. Она ощущала деликатное прикосновение их когтей, как ощущают боль в ампутированной конечности. Каким-то шестым чувством она догадывалась, что грифы не слишком сожалеют о том, что им пришлось откланяться и сойти со сцены.

Когда она впервые поселилась здесь, ей пришлось несколько месяцев испытывать на себе все повседневные жестокости, но она перенесла их, как дерево, стойко. Она не оборачивалась, чтобы посмотреть, что за мальчишка швырнул в нее камень, она не вытягивала шею, чтобы прочесть непристойное оскорбление, нацарапанное на ее коре. Когда люди обзывали ее обидными прозвищами — клоуном без цирка и царицей без дворца, она пропускала их сквозь свои ветви, словно это был ветер, и прислушивалась к музыке листьев. Этот шелест действовал как целебный бальзам и смягчал боль.

Только после того, как Зияуддин, старый слепой имам, который когда-то возглавлял молитвы в Фатехпури-Масжид, подружился с ней и стал регулярно ее навещать, окрестные жители решили, наконец, оставить ее в покое.

Давным-давно один человек, который знал английский, сказал ей, что если написать ее имя (по-английски) задом наперед, то получится *Maipu*, то есть *Маджнун*. Тот

человек говорил, что в английском пересказе легенды о Лейле и Маджнуне Маджнуна звали Ромео, а Лейлу — Джульеттой. Она нашла это забавным. «Ты хочешь сказать, что я — *кичри** этой истории? — спросила она. — А что они сделают, если вдруг обнаружится, что Лейла на самом деле была Маджнуном, а Роми — Джули?» Когда Человек-Который-Знал-Английский пришел к ней в следующий раз, он признал, что ошибся. Если написать ее имя задом наперед, то получится *Mujna* — Муджна, а это слово вовсе даже и не имя и не значит ровным счетом ничего. На это она ответила: «Это совершенно неважно. Во мне существуют все они. Я — Роми и Джули, я — Лейла и Маджнун. И Муджна — почему нет? Кто сказал, что мое имя Анджум? Я не Анджум, я — Анджуман, я — *мехфиль*, собрание, единение — всего и ничего, всех и никого. Не хочешь ли ты позвать к нам кого-нибудь еще? Я приглашаю всех».

Человек-Который-Знал-Английский сказал, что это очень умная мысль и сам он ни за что бы до нее не додумался. На это она заметила: «Как бы ты мог это сделать с твоим знанием урду? Неужели ты думаешь, что английский автоматически делает тебя умным?»

Он рассмеялся, она рассмеялась в ответ. Он угостил ее сигаретой с фильтром и пожаловался, что «Уиллз невикат» слишком короткие и не стоят тех денег, каких за них требуют. Но она сказала, что предпочитает их сигаретам «Фор сквер» или очень мужским «Ред энд уайт».

Теперь она уже не помнит его имени. Возможно, она никогда его и не знала. Он ушел — Человек-Который-Знал-Английский, — ушел туда, куда должен был уйти. Она же осталась жить на кладбище за государственным госпиталем. Компанию ей составлял железный шкаф мар-

---

* Кичри — пряное индийское блюдо. В данном случае имеется в виду нечто сущностное, главное.

ки «Годредж»*, где хранилась ее сокровенная музыка — поцарапанные пластинки и изношенные магнитные ленты, а также старая фисгармония, одежда, драгоценности, сборники стихов, фотоальбомы и несколько газетных вырезок, переживших пожар в Кхвабгахе, Доме снов. Ключ висел у нее на шее, на черном шнурке, вместе с изогнутой серебряной зубочисткой. Спала она на потертом персидском ковре, который днем запирала в шкаф, а вечером расстилала между двумя могилами (она никогда не стелила его в одном и том же месте две ночи подряд — это была ее невинная шутка). Она продолжала курить матросские «Неви кат».

Однажды утром, когда она, как обычно, читала старому имаму вслух газету, он, очевидно, не слушая, спросил как бы между прочим: «Истинно ли, что даже некоторых индуистов не сжигают, а хоронят в земле?»

Ответить было трудно, и она помедлила.

«Истинно? Что значит истинно? Что такое вообще Истина?»

Не желая отклоняться от выбранной цели, имам механически ответил: «Сач Худа хай. Худа хи Сач хай». (Истина есть Бог, и Бог есть истина.) Однако эта мудрость начертана на половине раскрашенных красками грузовиков, с ревом несущихся по скоростным шоссе. Имам прищурил свои слепые, зеленые от глаукомы глаза и спросил коварным, зеленоватым шепотом: «Скажите мне, люди, где вас хоронят, когда вы умираете? Кто обмывает ваши тела? Кто произносит молитвы?»

Анджум долго молчала, не отвечая на вопрос имама. Потом она наклонилась к нему и произнесла: «Имам-сахиб, когда люди говорят о цветах — красном, синем, оранжевом, когда они описывают небо на закате или восход луны в Рамадан — какие мысли и чувства возникают у тебя?»

---

* Индийская мебельная фирма.

Глубоко, почти смертельно, ранив друг друга, они продолжали сидеть рядом на чьей-то залитой солнцем могиле и молча истекали кровью. Первой тишину нарушила Анджум.

«Это ты должен мне сказать, — произнесла она. — Это ты — имам-сахиб, а не я. Где умирают старые птицы? Падают ли они нам на головы с неба, словно камни? Спотыкаемся ли мы на улицах об их тела? Разве ты не думаешь, что Всевидящий и Всемогущий, поместивший нас на эту землю, позаботился и о том, чтобы пристойно обставить наш уход?»

В тот день визит имама окончился раньше обычного. Анджум смотрела, как он уходит, отчетливо стуча своей белой тростью, нащупывая безопасный путь между могилами. Кончик трости звенел, натываясь на пустые бутылки и выброшенные шприцы, раскиданные по дорожкам кладбища. Анджум не пыталась его остановить, ибо знала, что он вернется. Как бы тщательно кто ни скрывал свое одиночество, она всегда узнавала его с первого взгляда. Она чувствовала, что по каким-то непостижимым причинам старому имаму нужна ее тень, а ей — его. Из опыта она знала, что Нужда всегда копит в себе изрядно жестокости.

Прощание Анджум с Кхвабгахом нельзя было назвать сердечным, это правда, но она понимала, что его сны и тайны принадлежали не ей одной, и не спешила их раскрывать.

2. КХВАБГАХ

Она была четвертой из пяти детей в семье. Родилась она в холодную январскую ночь в делийском районе Шах-джаханабаде*, некогда окруженном крепостной стеной, при свете керосиновой лампы (в ту ночь отключили электричество). Ахлам Баджи, акушерка, принимавшая роды, завернула младенца в две теплые шали и протянула матери со словами: «Это мальчик». Учитывая некоторые обстоятельства, это была вполне простительная ошибка.

Когда Джаханара-бегум была на втором месяце своей первой беременности, они с мужем решили, что если родится мальчик, они назовут его Афтабом. Первые три ребенка оказались девочками. Супруги ждали своего Афтаба шесть лет. Ночь, когда он, наконец, появился на свет, стала счастливейшей в жизни Джаханары-бегум.

Наутро, когда солнце поднялось высоко над землей и в комнате стало светло, тепло и уютно, Джаханара распеленала маленького Афтаба и принялась исследовать его крошечное тельце — глазки носик головку шейку подмышки пальчики на ручках и ножках — неспешно, с чувством, испытывая неземной восторг. Беда случилась, когда она скользнула пальцем под выступавшую мужскую часть и обнаружила под ней маленькую, плохо оформленную, но явно девичью принадлежность.

Возможно ли, чтобы мать пришла в ужас от собственного ребенка? С Джаханарой-бегум именно это и случи-

---

* Прежнее название Старого Дели.

лось. Ей показалось, что сердце ее сейчас перестанет биться, а кости рассыплются в прах. Потом она посмотрела еще раз — может быть, она ошиблась? Потом она инстинктивно отпрянула от произведенного ею на свет создания, кишки ее при этом взбунтовались, и по ногам скользнула тонкая струйка кала. Потом она захотела убить себя и ребенка. Потом появилось стремление обнять дитя и прижать к груди, ощущая падение в пропасть, отделяющую знакомый ей мир от миров, о существовании которых она даже не догадывалась. Там, в темной и глубокой бездне, всё, в чем она была до тех пор уверена, всё — от самых малых мелочей до самых великих истин, потеряло всякий смысл. В урду, единственном знакомом ей языке, все вещи, не только одушевленные, а *все* — ковры, предметы одежды, книги, ручки, музыкальные инструменты — имели род. Всякая вещь была либо мужского, либо женского рода, была мужчиной или женщиной. Всякая — за исключением ее ребенка. Нет, конечно, Джаханара-бегум знала слово, каким обозначали таких, как Афтаб, — «*хиджра*». Впрочем, было и еще одно слово — «*киннар*». Но из двух слов не составишь язык.

Можно ли жить вне языка? Понятно, что она не смогла сформулировать этот вопрос в словах, одним простым и ясным предложением. Он прозвучал у нее в душе как беззвучный, только зарождающийся вопль.

Потом она решила привести себя в порядок, очиститься и пока не говорить никому о том, что она увидела. Даже мужу. Потом пришло желание лечь рядом с Афтабом и отдохнуть. Отдохнуть, как отдыхал Бог христиан после того, как сотворил небо и землю. Правда, Бог почил после того, как внес смысл и порядок в созданный им мир, а она будет отдыхать после того, как создала нечто, внесшее полную сумятицу в ее представления о мире.

В конце концов, это не совсем настоящее влагалище, уговаривала себя Джаханара-бегум. Отверстие его было

слепым (она проверила). Это просто какой-то придаток, что-то детское. Может быть, он зарастет, заживет или исчезнет каким-то другим способом. Она помолится во всех известных ей святилищах и будет просить у Всемогущего явить к ней милость. Он явит милость, она знала, что явит. Может быть, Он уже и явил ее, просто Джаханара пока не догадывалась, каким именно образом.

В первый же день, когда Джаханара-бегум почувствовала себя готовой покинуть дом, она взяла с собой свое дитя — Афтаба — и пошла к дарге* хазрата** Сармада Шахида, благо идти было недалеко, всего каких-то десять минут. В то время она не имела ни малейшего понятия о жизни хазрата и сама не знала, почему с такой уверенностью направилась именно к его дарге. Возможно, он сам позвал ее к себе. Может быть, правда, что ее привлекли странные люди, которых она часто видела там по дороге к Мина-базару. Прежде она не достаивала их даже взглядом и замечала, только когда они пересекали ее путь. Теперь же они стали казаться ей самыми важными на свете людьми.

Не все приходившие на могилу хазрата Сармада Шахида знали историю его жизни. Некоторые знали ее частично, некоторые не знали вообще, а третьи придумывали собственные версии. Большинство людей знало, что он был еврейским купцом из Армении, пришедшим в Дели из Персии вслед за своей страстной любовью. Немногие знали, что этой любовью был Абхай Чанд, юный индус, которого Сармад Шахид повстречал в Синде. Большинство людей знало, что Сармад Шахид отрекся от иудаизма и перешел в ислам. Немногие знали, что со временем он усомнился и в ортодоксальном исламе. Большинство людей знало, что он как голый факир вечно бродил по улицам Шахджаханабада, а потом был публично

---

* Дарга — усыпальница.

** Хазрат — лицо, обладающее высоким религиозным авторитетом.

казнен. Опять-таки немногие знали, что казнили его не за хождение по улицам в голом виде, а за религиозное отступничество. Аурангзеб, тогдашний падишах, призвал Сармада ко двору и попросил доказать, что он истинный мусульманин — то есть прочесть калиму: «Ла илаха иллаллах Мохаммед-ур расул Аллах. — Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк Его». Сармад Шахид стоял голый перед придворными кази и мауланами* во дворе Красного форта. В небе остановились облака, и птицы застыли в воздухе, а в форте стало душно и жарко, когда хазрат Сармад начал декламировать калиму. Однако он умолк почти сразу после того, как начал, сказав только: «Ла илаха. — Нет Бога». Он упорно не желал продолжать, утверждая, что не способен этого сделать, пока не завершит свой духовный поиск и не сможет принять Аллаха всем сердцем. До этого же, сказал он, калима в его устах будет оставаться пустым притворством. Аурангзеб, посоветовавшись со своими кази, приказал казнить Сармада.

Тем не менее было бы ошибкой полагать, будто те, кто приходил к могиле выказать благоговейное почтение хазрату Сармаду Шахиду, не зная истории его жизни, делали это по невежеству. Дело в том, что внутри дарги непокорный дух Сармада был сильнее, ощутимее и правдивее, нежели любое собрание исторических фактов, и этот дух действовал на всех пришедших искать благословения хазрата. Этот дух прославлял (но никогда не проповедовал) торжество духовности над ритуалами, простоты над излишествами богатства, а также непобедимую, неземную любовь — даже перед лицом смерти. Дух Сармада внушал тем, кто приходил к нему, силу своей жизни и позволял обратить эту силу на укрепление духа, в чем бы это ни заключалось.

Став частым гостем дарги хазрата, Джаханара-бегум много раз слышала, а потом и рассказывала другим, исто-

---

* Судьи и законоучителя.